проекты вовне, формирует благоприятную среду. Но после 2012 года с каждым годом у потенциальных инвесторов и экспертов растет ожидание экономического роста дальневосточного макрорегиона, результатов промышленно-экономического развития стимулирующего интенсивность трансграничного сотрудничества. До сих пор принимаемые усилия носят «выставочный» характер, когда огромные средства расходуются на мегапроекты, не приводящие к расширению внутреннего спроса. Потенциальных иностранных инвесторов отпугивает излишняя масштабность проекта при фактическом отсутствии соответствующих рынков сбыта [2]. Эффект мультипликатора от ТОРов и режима свободного порта пока не сработал, своей выгоды не увидели ни местное сообщество, ни представители малого и среднего бизнеса.

Диктуемые федеральной властью условия накладывают определенные ограничения на зарубежных бизнес партнеров и внешнеэкономическую деятельность среднего (и конечно) малого бизнеса. С другой стороны у ТОРов и свободного порта Владивосток есть неоспоримое преимущество в виде предоставления инвесторам гарантии (на государственном уровне) возврата вложенных средств. Так же важно, что российские власти осознали что прорыв и «экономическое чудо» в регионе не появится одномоментно и прежде зарубежных партнеров необходимо добиться доверия отечественных инвесторов. Тем более что в Азии никто не работает быстро, а путь к принятию конкретных бизнес-решений может занимать годы.

1. Ишаев В.И. Дальневосточный вектор России. – СПб.: СПбУУЭ, 2012. – 76 с.
2. Эксперты Приморья по инвестициям просят у власти конкретики по ТОРу «Надеждинская» [Электронный ресурс] / ИА PrimaMedia. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/economics/20.03.2015/427603/eksperti-primorya-po-investitsiyam-prosyat-u-vlasti-konkretiki-po-toru-nadezhd.html>. (Дата обращения: 01.06.2016 г.)

Крутько А.А.

Сравнительный анализ внешнеполитических подходов США и России к современному миропорядку

*Киргизско-Российский Славянский университет
(Киргизская Республика, Бишкек)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-09

ids: 000001:spc-01-10-2018-09

Аннотация

Трансформация системы международных отношений, переход к принципу многоцентричности вызывает повышенный научный интерес и многочисленные дискуссии ученых и практических политиков. Целью данной статьи является рассмотрение актуальных теоретических конструктов и внешнеполитических подходов США и России к пониманию мирового порядка. В частности, проанализированы стратегии национальной безопасности США 2002, 2006, 2010, 2015 и 2017 гг., концепции внешней политики России 2000, 2008, 2013, 2016 гг., а также политические заявления лидеров этих государств по вопросам миропорядка.

Ключевые слова: мировой порядок; однополярная, биполярная, многополярная модели мироустройства; центры силы; многоцентричный мир; стратегия национальной безопасности США; концепция внешней политики России; принципы международного права.

Abstract

Transformation of the system of international relations, the transition to the principle of multicentricity causes increased scientific interest and numerous discussions of scientists

and practical politicians. The purpose of this article is to consider the actual theoretical constructs and foreign policy approaches of the US and Russia to an understanding of the world order. In particular, the US National Security Strategies 2002, 2006, 2010, 2015 and 2017, the Concept of Russia's Foreign Policy 2000, 2008, 2013, 2016, as well as the political statements of the leaders of these states on the issues of the world order have been analyzed.

Keywords: world order; unipolar, bipolar, multipolar models of the world order; centers of power; multi-centered world; US national security strategy; concept of Russia's foreign policy; principles of international law.

Введение

Заслуга введения понятия «мировой порядок» в научный лексикон принадлежит западным политологам, в частности, одному из создателей английской школы теории международных отношений Х. Буллу, который в 1977 г. предложил следующее определение: «Под международным (мировым) порядком понимается характер (состояние) или направление внешней активности, обеспечивающей неизбежность тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех» [1].

Известный американский ученый Р. Гилпин в 1981 г. уточнил, что системный порядок в международных отношениях определяется, прежде всего, наличием свода правил поведения, и именно смена этих правил может характеризовать смену одного порядка другим [2]. В 1990-е гг. известность приобрела концепция другого американского ученого, Л. Миллера, главным признаком международного порядка он назвал присутствие в мировой системе единого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствуются государства [3]. В этом же духе определял политический порядок профессор политики и международных отношений в Принстонском и Джорджтаунском университетах Дж. Айкенберри: «...это базовое согласие (arrangement) между группой государств относительно их руководящих правил, принципов и институтов» [4, с. 45].

В российской политологии понятие «мировой порядок» первыми подвергли фундаментальному анализу Э. Я. Баталов и А. Д. Богатуров [5; 6]. Обзор различных подходов к интерпретации понятия «мировой порядок» содержится и во многих других, изданных позднее, российских аналитических публикациях и монографиях, авторы которых сходятся в том, что, «согласно условно расширительной интерпретации феномена, “мировой порядок” – это принципы, нормы и институты, регулирующие поведение международных акторов (государств, межгосударственных объединений, международных организаций, транснациональных корпораций и т. д.)» [7, с. 178].

Одним из постулатов теории мирового порядка является признание полюсной структуры мира. Как отмечает Э. Я. Баталов, «споры идут о том, будет ли последний “однополюсным”, “биполярным” или “многополюсным”. <...> “Полюсное” видение укоренилось в сознании аналитиков и политиков, включая российских, и постоянно воспроизводится как само собой разумеющееся в документах, фиксирующих состояние международных отношений» [5, с. 26]. Э. Я. Баталов считает этот постулат теоретически несостоятельным и политически нерелевантным и предлагает использовать более адекватную, с его точки зрения, концепцию центров силы, рассматривающую мировой порядок как моноцентричный или полицентричный, где центры военной силы могут не совпадать с центрами экономической силы и т. п. [5, с. 33].

По нашему мнению, в целях прикладного анализа и учитывая сложившуюся практику употребления рассматриваемых категорий, при характеристике мирового порядка целесообразно согласиться с отождествлением понятий «центр» и «полюс».

Так, президент РФ В. В. Путин, выступая на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г., использовал именно такой подход: «Что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. <...> Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном – именно в современном – мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [8].

Цель исследования

Целью настоящей работы является сравнительный анализ внешнеполитических документов США и России, концептуально опирающихся на принципиально различные модели мирового порядка.

Результаты и их обсуждение

После Второй мировой войны в США возобладали геополитические концепции Мэхэна-Маккиндера, в соответствии с которыми Америка, являясь «мировым островом», должна в интересах собственной безопасности установить контроль над «евроазиатским хартлэндом» [9].

После распада СССР, по мнению крупнейшего американского геополитика З. Бжезинского, «главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [10, с. 43].

В Стратегии национальной безопасности, утвержденной президентом Дж. Бушем в сентябре 2002 г., было заявлено, что в условиях американского превосходства официальный Вашингтон ставит задачу обеспечить доминирование американских ценностей на международной арене: «Сегодня Соединенные Штаты обладают беспрецедентной военной мощью и огромным экономическим и политическим влиянием. <...> Мы стремимся к формированию баланса сил в интересах свободы человеческой личности: условий, при которых все нации и общества могли бы избрать для себя преимущества и вызовы политической и экономической свободы. <...> Мы распространим мир, поощряя свободные и открытые общества на каждом континенте» [11].

В Стратегии национальной безопасности 2006 г. США подтвердили свою готовность с помощью инструментов военного и «мягкого» присутствия насаждать демократические режимы: «Политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы помогать и поддерживать демократические движения в любой стране и культуре, с тем чтобы, в конце концов, покончить с тиранией в нашем мире. В сегодняшнем мире фундаментальный характер режимов значит не меньше, чем соотношение сил между ними. Целью нашей политики является помощь в сотворении мира демократических, хорошо управляемых государств, которые смогут удовлетворить потребности своих граждан и вести себя ответственно на международной арене. И это – лучший способ обеспечить прочную безопасность американского народа» [12].

Стратегия национальной безопасности США 2010 г., подготовленная администрацией Б. Обамы с целью «обеспечения безопасности граждан США», предусматривала поддержание военной мощи страны и сохранение «глобального лидерства», опираясь на военное присутствие в разных регионах мира, особый акцент делался на государства Ближнего Востока и Афганистан [13].

В феврале 2015 г. была опубликована обновленная Стратегия, в которой говорилось, что США будут стремиться к предотвращению международных конфликтов и для достижения этой цели намерены опираться на свою «дипломатию и лидерство, подкрепленные мощной военной силой» [14].

Политические итоги проводимой США политики на Балканах, в Ираке, Иране и Афганистане, «арабская весна» и «цветные революции» на постсоветском пространстве в конце XX – начале XXI вв. стали яркими примерами реализации идеи глобального лидерства и создания однополярного мира с помощью инструментов американского присутствия. «Анализ, проведенный экспертами различных стран мира, показывает, что реальные цели США и НАТО <...> заключаются в организации собственного военного, геостратегического, геополитического и геоэкономического плацдарма в центре Евразии, развертывании мощнейшей сети военных баз на территории Афганистана и всего Среднего Востока» [15].

Пришедший к власти в 2016 г. Д. Трамп остается в рамках парадигмы, основанной на признании доминирования американских интересов и обеспечения национальной безопасности США в качестве приоритетов внешней политики. Новая Стратегия национальной безопасности (2017) [16] также базируется на идее глобального лидерства США. Основными тезисами речи, посвященной новой стратегии, с которой Д. Трамп выступил 18 декабря 2017 г., были следующие:

- *Америка является одной из величайших сил мира и справедливости в истории человечества. С каждым новым решением, с каждым новым действием мы сегодня претворяем на практике принцип «Америка прежде всего». Нам требуется чрезвычайная военная мощь, которая, я надеюсь, приведет к прочному и длительному миру;*
- *Наши усилия по укреплению Североатлантического альянса создали условия для того, чтобы страны-члены существенно увеличили свои взносы в бюджет НАТО. Теперь в него поступают дополнительно десятки миллиардов долларов. Я не позволю, чтобы страны-члены увиливали от выделения средств, в то время как мы гарантируем им безопасность и готовы воевать за них;*
- *Наша новая стратегия основана на принципиальном реализме. Одной из основ этой стратегии является сохранение мира посредством силы. Нашу мощь и силу подкрепляют союзники, разделяющие наши принципы и берущие на себя свою долю ответственности за нашу коллективную безопасность. Наша стратегия нацелена на расширение американского влияния в мире [17].*

Следует согласиться с выводом российских исследователей В. В. Романова и И. В. Михайлова о том, что сравнительный анализ стратегий национальной безопасности США демонстрирует «константность многих американских подходов к теоретическому осмыслению современного миропорядка на протяжении последнего столетия» [18, с. 127].

Важнейшим инструментом внешней политики США, нацеленной на обеспечение глобального лидерства этого государства, является американское присутствие. Еще в Стратегии национальной безопасности 2002 г. было заявлено, что «присутствие американских сил за рубежом является одним из наиболее глубоких символов американских обязательств перед союзниками и друзьями. Проявляя готовность использовать силу для того, чтобы защитить нас и других, Соединенные Штаты демонстрируют свою решимость поддерживать соотношение сил в интересах свободы» [11].

В настоящее время американское присутствие по-прежнему обеспечивается, прежде всего, военным присутствием. Так, в 2018 г. военные ассигнования составили 677,1 млрд долларов, из которых 4,7 млрд долларов заложено на противодействие

России и наращивание американского военного присутствия вблизи ее границ [19]. 13 августа 2018 г. президент США Д. Трамп подписал оборонный бюджет страны на 2019 финансовый год в размере 716 млрд долларов. Из этой суммы на проведение военных операций за пределами страны выделяется 69 млрд долларов [20].

Президент США Д. Трамп 1 марта 2018 г. объявил, что в Афганистане «военный контингент в ближайшее время должен увеличиться с 8400 до 15 тысяч военнослужащих, придут также 26 тысяч бойцов-контрактников и 6 тысяч военных инструкторов» [21]. Глава центрального командования ВС США генерал Дж. Вотел подтвердил, что **«присутствие американских вооруженных сил в Сирии по-прежнему необходимо для того, чтобы стабилизировать обстановку в стране и освободить ее от террористов»** [22], а в конце апреля 2018 г. глава Пентагона Дж. Мэттис заявил о готовности американского руководства к переговорам по наращиванию своего военного присутствия и увеличению числа военных на территории Польши [23].

Американское присутствие также сохраняется в форме создания неправительственных организаций практически во всех странах мира. На сайте Национального фонда США в поддержку демократии (NED) размещено объявление о том, что Фонд «каждый год оказывает финансовое содействие сотням неправительственных организаций во всем мире, работающих во благо демократических целей и упрочения позиций демократических институтов. Сумма гранта зависит от размеров и объемов проекта, но средний грант предоставляется в сумме 50 000 долларов США на 12 месяцев» [24].

Конгресс США утвердил выделение на международные проекты в 2018 г. 5,4 млрд долларов. Выделяемые средства «могут быть направлены на финансирование программ по поддержке демократии в Российской Федерации, включая защиту свободы Интернета, а также на реализацию стратегии по поддержке демократии и законности». При этом нельзя реализовывать проекты «с участием российских государственных чиновников или финансовых организаций, принадлежащих российской стороне или контролируемых ею» [25].

Таким образом, несмотря на смену президентов США, внешнеполитический курс этой страны по-прежнему предполагает сохранение модели однополярного мира под лозунгом «Америка на первом месте. В любом решении, касающемся торговли, налогов, иммиграции, внешней политики» [26].

Принципиально иной подход к миропорядку у Российской Федерации. В Концепции внешней политики РФ, принятой в 2016 г., заявлено, что «внешнеполитическая деятельность государства направлена на упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира» [27].

Напомним, что впервые на международном уровне об исчезновении биполярной системы и формировании многополярного мира было заявлено в Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. В этом документе был поставлен вопрос: в каком международном порядке будут жить люди в следующем столетии? Для ответа на него стороны призвали «все страны развернуть активный диалог по вопросу о строительстве мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного порядка» и подтвердили, что они «в духе партнерских отношений будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка» [28].

Принципами создания нового международного порядка, по мнению сторон, должны стать: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права. Особо было подчеркнуто, что «ни одна страна не должна

стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела. Стороны полагают, что отказ от дискриминационной политики и практики в экономических отношениях, укрепление и расширение на равноправной и взаимовыгодной основе торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных обменов и сотрудничества будут способствовать совместному развитию и процветанию» [28].

Через два года, в 1999 г., Россия предложила модель многополярного мироустройства в документе «Концепция мира в XXI веке», представленном на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Тогда министр иностранных дел России И. С. Иванов заявил, что Россия, «в полной мере осознавая свою особую роль и ответственность мировой державы и постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций за развитие мировых процессов, выступает за утверждение многополярного мира, построенного на прочной основе международного права» [29].

«Концепция мира в XXI веке» исходила из того, что существуют три базовых элемента новой системы мироустройства. Основное звено будущей системы многополярного мира – Организация Объединенных Наций, являющаяся уникальным и во многом безальтернативным механизмом регулирования всей системы международных отношений, единственная международная структура, способная взять на себя роль гаранта всемирной стратегической стабильности. Вторым элементом выступает разветвленная сеть региональных организаций и объединений, активно взаимодействующих с ООН в деле обеспечения региональной стабильности. Третьим базовым элементом новой системы мироустройства призваны быть двусторонние отношения между государствами. Разумеется, эту роль они способны сыграть лишь в том случае, если универсальным принципом двусторонних отношений будет их строгое соответствие международному праву: уважение суверенного равенства государств, их территориальной целостности, неприкосновенности границ, неприменение силы или угрозы силой, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, соблюдение прав человека [30]. Впоследствии принципиальные положения Концепции нашли отражение в Декларации тысячелетия ООН, принятой на заседании Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке [31].

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. Россия заявила об ориентации на построение модели многополюсного миропорядка. В редакциях Концепции внешней политики России (2000, 2008, 2013, 2016 гг.) эта установка подтверждается: Россия в силу своего географического положения должна оставаться великой державой в контексте многополярного мира. Ее миссия в мире состоит в укреплении институтов международного права, налаживании равноправного диалога между центрами многополюсного мира, сохранении роли и авторитета таких институтов, как ООН (2000) [32];

обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление ее суверенитета и территориальной целостности, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, в наибольшей мере отвечающих интересам Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира и необходимых для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала (2008) [33];

существо переходного периода, который переживают международные отношения, заключается в формировании полицентричной международной системы; возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике продолжают сокращаться и происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом выход на авансцену мировой политики и экономики новых игроков на фоне стремления западных государств сохранить свои привычные позиции

сопряжен с усилением глобальной конкуренции, что проявляется в нарастании нестабильности в международных отношениях (2013) [34];

борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Приоритетами России в решении глобальных проблем выступают: формирование справедливого и устойчивого мироустройства; верховенство права в международных отношениях; укрепление международной безопасности; международное экономическое и экологическое сотрудничество; международное гуманитарное сотрудничество и права человека (2016) [27].

Заключение

Проведенный анализ показывает, что понятие «мировой порядок» относится к наиболее эффективным исследовательским инструментам современной политической науки, позволяющим раскрыть мотивацию деятельности основных внешнеполитических акторов, в число которых входят современные государства, глобальные и региональные межгосударственные объединения. В частности, он подтверждает, что США осуществляют внешнюю политику, призванную обеспечить сохранение моноцентричного мирового порядка и американское мировое лидерство, а внешняя политика России ориентирована на построение новой полицентричной модели мироустройства. Уверенности в правильности выбранного курса придает осознание того, что «взгляды России на то, как и на каких основах должен базироваться современный миропорядок, разделяют наши союзники по ОДКБ, партнеры по ШНГ, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества. Это, мы с вами понимаем, большая часть населения планеты» [35].

1. Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. Columbia Univ. Press, 2002.
2. Gilpin R. War and Change in World Politics. New York, 1981.
3. Miller L. Global Order: Values and Power in International Politics. Boulder, 1994.
4. Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraints, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, 2001.
5. Баталов Э. Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
6. Богатуров А. Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6–23.
7. Сирота Н. М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29).
8. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007) // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
9. Андрианова Т. В. Геополитические теории XX века: Социально-философское исследование. М.: Директ-Медиа, 2014.
10. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1998.
11. The National Security Strategy of the United States of America. 2002 // URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/>
12. The National Security Strategy of the United States of America. March 2006 // URL: <https://www.state.gov/documents/organization/64884.pdf>
13. The National Security Strategy of the United States of America. May 2010 // URL: nssarchive.us/NSSR/2010.pdf
14. National Security Strategy. February 2015 // URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf
15. Пангиреева З. Д., Каирбекова Р. Р. Особенности внешней политики США на современном этапе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: Сб. ст. по мат-лам XII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012.

16. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>
17. Речь Трампа о безопасности: Америка – прежде всего (19.12.2017) // URL: <https://inosmi.ru/politic/20171219/241045134.html>
18. Романов В. В., Михайлов И. В. Вильсонизм как внешнеполитическая и правовая доктрина современных международных отношений // Правовые доктрины современности / Под общ. ред. Р. В. Пузикова, А. Б. Бекмагамбетова. Костанай: NewLineMedia, 2018.
19. Тканова М., Шляхтунов А. Проект военного бюджета США на 2018 финансовый год // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 11.
20. Трамп подписал оборонный бюджет США на \$716 млрд (13 августа 2018) // URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/08/2018/5b71de1f9a794779859b2ce4>
21. США срочно увеличивают свой контингент в Афганистане (01.03.2018) // URL: <https://rg.ru/2018/03/01/ssha-srochno-uvelichivaiut-svoj-kontingent-v-afganistane.html>
22. Командование сил США подтвердило необходимость присутствия в Сирии (4 апреля 2018) // URL: <https://xn--b1aga5aadd.xn--p1ai/2018/>
23. США задумались над увеличением военного присутствия по соседству с Россией (28 апреля 2018) // URL: https://lenta.ru/news/2018/04/28/us_in_poland/
24. О программе финансирования NED // URL: <https://www.ned.org/apply-for-grant/ru/>
25. Госдеп, который платит: Какие зарубежные программы США намерены реализовать в 2018 году // URL: <https://russian.rt.com/world/article/410621-gosdep-zarubezhnye-programmy-ssha>
26. После вступления в должность президент США начал менять внешнюю политику, но допускает некоторые отходы от предвыборных обещаний // URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/trump-foreign-policy/3733618.html>
27. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ В. В. Путина от 30 ноября 2016 г. № 640 // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news
28. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Принята в г. Москве 23.04.1997 // URL: <https://www.lawmix.ru/abro/6305>
29. Иванов И. С., министр иностранных дел России. Концепция мира в XXI веке (Выступление на 54-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 21 сентября 1999 г.) // Международная жизнь. № 10. 1999.
30. Иванов И. С. Внешняя политика России на рубеже XXI века: проблемы формирования, эволюции и преемственности // Иванов И. С. Внешняя политика России и мир. М.: РОССПЭН, 2000. С. 3–55.
31. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
32. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ В. В. Путиным 28 июня 2000 г. // Внешняя политика и безопасность современной России: В 4 т. 1991–2002. Т. 4 / Сост. Т. А. Шаклеина. М.: РОСПЭН, 2002. С. 109–121.
33. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/2014108.shtml>
34. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. // URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/
35. Выступление Президента РФ В. В. Путина на совещании послов и постоянных представителей России в международных организациях и объединениях. 19 июля 2018 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/58037>